

Талант всегда найдет себе неприятности...

Документы и факты:
1984 - май (№21) - с. 8

Русский ПЕН-центр и фонд Топфера в этом году присудили Пушкинскую премию поэту Белле АХМАДУЛИНОЙ. Сам лауреат к случившемуся отнесся с большой благодарностью и некоторым присущим моменту волнением, но раздавать интервью Белла Ахатовна даже по этому случаю не торопится... Для нашей газеты было сделано своеобразное исключение, но не в виде "тройной речи". Беседа касалась в основном того, что Беллу Ахмадулину действительно интересует, - искусства, литературы...

- Белла Ахатовна, вы неохотно и нечасто даете интервью, это принцип?

- Я стараюсь это делать не в угоду любопытствующим, а когда есть что-то достойное внимания. Такие случаи редкостны. А вопросы зачастую, к сожалению, довольно однообразны.

- И какими "протоптанymi дорогами" пытаются пойти обычно журналисты?

- Существует некий общий интерес к тому времени, которое условно обозначается названием "60-е". И у этого интереса как бы две стороны. С одной стороны, есть люди, которые в это время пережили свою молодость, они скучают по этому времени и полагают, что я это чувство разделяю. Это не так. Мне ни от чего в своей жизни отказываться не приходится - нет такой возможности, но именно этот период считаю наименее благоприятным. Частое пребывание на эстраде, несомненно, вредит человеку. Оно мешает его уединению, его сосредоточенности. Автор начинает зависеть от публики, теряет свободу. Да и вряд ли вся публика, собирающаяся на стадионах, имеет чистую страсть именно к поэзии. И потом мне ценой сомнений, уединений, страданий пришлось покупать свою связь с эстрадой.

- ...То есть требовалось какое-то восполнение?

- Не то чтобы это было рационально или преднамеренно с моей стороны, но какие-то тайные силы желали себе спасения. Награда аплодисментами и ранняя известность - это не лучшее, на что следует рассчитывать. Рассчитывать вообще ни на что не следует, как и слушать.

- Люди, грустящие по своей молодости, - это один вариант интереса, а другой?

- Сейчас есть расхожее мнение, что та литературная жизнь была не только бо-

лее насыщенной для зрения и слуха, но она была более плодотворна. И здесь я не согласна. Поскольку не учитывается при этом, что были имена, которые звонко звучали, владели вниманием публики и даже отчасти примелькались, но не оставляли места для других, чья судьба складывалась более тихо или совсем тихо. И, как выяснилось, она

сложилась не менее замечательно. То есть кто-то стоял на сцене Лужников, и ему внимали тысячи слушателей, а Бродский в это время претерпевал архангельскую ссылку, но зато он сейчас лауреат Нобелевской премии, и все - и ссылка, и надругательства - как бы вошло в его великую судьбу и великую славу.

- Кроме Бродского, были и другие. Кого бы вы назвали?

- Евгений Рейн, Анатолий Найман, Виктор Кривулин, Елена Шварц (более молодого поколения). Все это было как-то придавлено и подлежало чьему-то недоброжелательному вниманию. Это был пригляд. Иногда опасный для того, за кем приглядывали. К сожалению, некоторые

люди, приблизительно одного со мной возраста, просто не дожили хоть до какого-то утешения. К ним в первую очередь можно отнести Венечку Ерофеева, замечательного писателя Евгения Харитоновича. С одной стороны, эти люди переносили все с необыкновенным изяществом, легкостью, артистизмом, даже изысканностью, с другой же стороны - все это было оснащено трагедией.

- Вы не разделяете взгляда, что сегодня русская литература умирает?

- Нет, не разделяю. Вздыхать, причитать, что литература сегодня претерпевает упадок, по-моему, нет оснований. Достаточно вчитываться в те издания, которых сегодня появилось немало. И, конечно, надеяться на молодое поколение. По-моему, какое-то нездравомыслие - судить о том, каким образом и на кого влияет время, ведь оно может и вовсе не влиять. И я вижу, что лучшие из молодых совершенно не участвуют в сумятице повседневных распрей, трудностей, разборок. Хотя талант всегда найдет возможность мучиться. Это неизбежно. Но я рада, что молодые люди не будут переживать тот вялый, довольно драматический кошмар, который был единственным нашим воздухом.

Я не думаю, чтобы наиболее мрачный и безвыходный сюжет был желанным удобством для писателя и его вдохновения. А потом, скажем, у Льва Николаевича Толстого не было простых, чисто внешних причин мучиться, страдать. Но он их как-то обретал, художник так или иначе обеспечивает себя затруднениями, воспринимчивостью к боли, уязвимостью.

- То есть вы не разделяете мнения, что для развития культуры, искусства необходимо какое-то напряжение с социумом?

Я совсем так не думаю. Говоря это, как бы ссылаются на русскую культуру,

на русскую словесность. Это как бы наш великий, наш собственный огород. И нам угодно его держаться. Но все-таки не следует отвлечаться от всемирности. Мне всегда претило узко русское ощущение действительности, языка, культуры. Это всегда некоторая тупость. Не читая, не обращая своего угрюмого лица к мировым шедеврам, нечего хвалиться своей русской принадлежностью.

Всем известно, что именно русская литература всегда отличалась трагическими судьбами. Но когда мы вспоминаем муки и терзания Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, Ахматовой, все-таки хочется избавить их от этого хотя бы в воображении.

И даже если жизнь художника прерывается самым горестным образом, он все-таки почему-то успевает исполнить то, что должен был исполнить. Когда говорят о Лермонтове, что, если бы он прожил не свои неполные 27 лет, а много больше, мы имели бы совсем иного поэта, я говорю (это, наверное, нехорошая шутка), что для долгожительства у нас есть Джамбул, а Лермонтов совершил то, что должен был. И все-таки мы должны признать, что трагическая жизнь способствует счастливой и главной судьбе - не житейской, а той, которая не имеет ни перерывов, ни окончаний. Но таков удел великих людей.

- Белла Ахатовна, вы кажетесь очень доброжелательным к людям и мягким человеком. А есть ли вещи, которые у вас вызывают полное сопротивление, неприятие?

- Я мягкий человек с некоторой тяжестью, это скорее обретенная благовоспитанность. Я стараюсь не грубить и не безобразничать, но есть людские черты и обстоятельства, которые я никак не могу принять. Их много. Это не мои какие-то изощрения, это самый простой реестр неприемлемых качеств. И еще я не принимаю любую попытку давления.

- Вы не верите в давление и насилие - "во благо"?

- Благодатного насилия я представить себе не могу. Оно в любом виде противопоставлено человеческому устройству и должно в естественном организме встречать сопротивление.

Лариса ВИННИК
Фото Бориса КРЕМЕРА